

КЛИФФОРД
САЙМАК

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я

КЛИФФОРД
САЙМАК

ФОТО БИТВЫ
ПРИ МАРАФОНЕ

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
C14

Clifford D. Simak
THE MARATHON PHOTOGRAPH AND OTHER STORIES

Copyright © 1986 by Clifford D. Simak

Перевод с английского *А. Филонова, А. Корженевского*

Оформление серии *А. Саукова*

Саймак, Клиффорд.

C14 Фото битвы при Марафоне : [сборник рассказов и повестей] / Клиффорд Саймак ; [пер. с англ. А. Филонова, А. Корженевского]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с.

ISBN 978-5-699-90016-9

Перед вами авторский сборник рассказов от Клиффорда Саймака — мастера жанра «гуманитарной» НФ! На сей раз речь пойдет о странных и таинственных событиях, загадках истории, инопланетных гостях и путешествиях во времени...

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© Корженевский А.,
Филонов А., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Изда-
тельство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90016-9

ЦИЛИНДР

Когда Бронсон повернул машину на ведущую к ступеням Крамден-Холла петляющую дорогу, я ощутил в окрестном пейзаже перемены, хотя и не сразу понял, какие именно.

— Глядите-ка, пагода исчезла! — наконец догадался я.

— Да, снесло как-то ночью ураганом несколько лет назад, — сообщил Бронсон. — Уж больно она была хлипкая.

В остальном все осталось по-прежнему. Енотов Ручей ничуть не переменялся. Он спокойно располагался на своем месте и, хотя несколько обветшал, изо всех сил старался выглядеть как ни в чем не бывало.

— Да и хорошо, что нет ее, — продолжал Бронсон. — Все равно она была здесь как-то не к месту. По мне, так чересчур легковесная.

Машина подкатила к колоннаде и остановилась.

— Заходите, — сказал Бронсон. — Старик Пратер вас ждет. А я поставлю машину и принесу ваши чемоданы.

— Спасибо, что встретили. Давненько мы не виделись, Бронсон.

— Лет пятнадцать, — уточнил он, — а то и все двадцать. Года нас не балуют. А вы не заглянули к нам ни разу.

— Да, — согласился я, — не довелось.

Машина отъехала, и, как только она скрылась из виду, я увидел, что был не прав. Пагода никуда не пропала; залитая закатным светом, она по-прежнему стояла на своем месте — точь-в-точь такая, какой запомнилась. Примостилась на опоясанной изгибом дороги лужайке. Возле угла пагоды тянулась к небу сосна, а под стеной шелестел листьями тис.

— Чарльз, — донеслось сзади, — Чарльз, как я рад тебя видеть.

Я обернулся и увидел ковыляющего вниз по лестнице Старика Пратера.

Я быстро пошел навстречу, и мы немного постояли, глядя друг на друга в угасающих лучах заката. Старик Пратер почти не изменился. Пожалуй, чуточку

постарел и поистрепался, но пока не горбился и держался молодцом, демонстрируя чуть ли не армейскую выправку. От него все так же исходил воображаемый запах мела. «Величественный, как и прежде, разве что с годами все черты чуточку смягчились», — подумал я, глядя на него.

— Тут все как раньше, — сказал я, — только плохо, что пагода...

— Эта набившая всем оскомину штука рухнула. Мы замучились разгребать обломки.

Мы поднялись по лестнице.

— Хорошо, что ты приехал. Вероятно, догадываешься, что у нас проблемы. Видишь ли, по телефону я не мог вдаваться в подробности.

— Я ухватился за возможность приехать сюда. Разумеется, я сидел без дела с тех самых пор, как меня вышвырнули из Института времени.

— Но это было два года назад. И никто тебя не вышвыривал.

— Уже три, — возразил я. — И вышвырнули, причем довольно явно.

— По-моему, обед давно готов. Лучше поторопимся к столу, а то старик Эмиль...

— Эмиль здесь?

— Мы еще держимся. — Старик Пра-тер тихонько хихикнул. — Бронсон, я и Эмиль. Приходят и молодые, но у них не та школа. А мы стали сварливыми. Временами даже въедливыми, особенно Эмиль. Он придиричив сверх всякой меры и может отругать, если опоздаешь к обеду или съешь меньше положенного — считает это оскорблением для своей стряпни.

Мы добрались до двери и ступили в холл.

— А теперь, — предложил я, — может, будете любезны изложить мне суть этого розыгрыша с пагодой?

— А, так ты ее видел?

— Ну конечно же видел. Уже после того, как Бронсон объявил, что она рухнула. Она была там в то самое время, когда вы говорили, что она развалилась. Если это замысловатая шутка, каким-то образом относящаяся к моей работе в Институте времени...

— Это не трюк, а одна из причин твоего приезда. Поговорим об этом позже, а сейчас надо поспешить к столу, не то Эмиль будет в ярости. Кстати, я не упоминал, что парочка твоих однокаш-

ников будет обедать с нами? Леонард Эсбери — ты, разумеется, не забыл его.

— Доктор Пратер, все эти годы я пытался не вспоминать об этом хамоватом типчике. Кто еще из выпускников попал в избранный круг участников дела о пагоде?

— Только один человек — Мэри Холланд, — ответил он, нимало не смутившись.

— Та, что разбила ваше сердце, занявшись музыкой?

— Чарльз, если ты думаешь, что она разбила мое сердце, то заблуждаешься и насчет моих занятий, и насчет целей института. Мир не может позволить себе лишиться музыки, которую творит эта девочка.

— Итак, — провозгласил я, — знаменитый математик, талантливый композитор и разиня — исследователь времени. Когда речь заходит о подборе команды, вы проявляете чудеса изобретательности.

В его глазах запрыгали веселые чертики.

— Пойдем-ка за стол, — усмехнулся он, — а то Эмиль всех собак на нас спустит.

2

Обед был хороший, простой и обильный: суп-пюре из курятины, салат и отличные ребрышки с жареным картофелем; было и неплохое вино.

Старик Пратер довольно часто пускался в непоследовательные и помпезные рассуждения; хозяином он был хорошим, в этом ему не откажешь. Мы же почти не прерывали молчания, перекинувшись лишь несколькими словами, которые принято произносить после долгой разлуки с давними знакомыми.

Я пристально разглядывал тех двоих, и они отвечали мне тем же, наверняка гадая, с какой это стати Старик Пратер решил пригласить и Чарльза. Что ж, вопрос вполне законный, и винить их тут не за что.

Как я понял, Леонард Эсбери остался все тем же хамоватым типом. Его жидкие черные волосы были плотно прилизаны, на лице застыло холодное хитроватое выражение. Говорил он, почти не разжимая тонких губ. Этот ублюдок нравился мне ничуть не больше, чем прежде.

А вот Мэри совсем другое дело. Она была симпатичной девчушкой, у нас даже было несколько свиданий — но и только, ни к чему серьезному это не привело. Зато теперь красота покинула ее, и Мэри превратилась в этакую солидную матрону. У меня даже возникло подозрение, что за написанным на ее лице умиротворением скрывается обыкновенная пустота.

Оба они совершенно сбили меня с толку. Я забеспокоился и начал жалеть, что приехал.

— А теперь, — заявил Старик Пратер, — перейдем к делу. Ибо, как я полагаю, нас собралось здесь некое дело, причем весьма спешное.

Он вытер губы салфеткой, скомкал ее, бросил на стол и продолжил:

— По-моему, Чарльз уже кое о чем догадывается. Едва прибыв, он заметил нечто такое, что вы оба упустили.

Леонард и Мэри одновременно взглянули на меня. Я не промолвил ни слова: представление затеял Старик Пратер, вот пусть он и расхлебывает.

— Весьма вероятно, что у нас есть машина времени.

Мгновение все хранили молчание, а потом Леонард наклонился вперед и спросил:

— Вы хотите сказать, что кто-то изобрел...

— Прошу прощения, — отвечал Старик Пратер, — этого я сказать отнюдь не хочу. Машина времени свалилась в березовую рощицу у небольшого пруда позади мастерских.

— Как это — свалилась?

— Ну, может, и не свалилась. Вероятно, слово «объявилась» более уместно. Ее нашел Колченогий, наш садовник. Очень недалекий парень. Вы его, наверно, не знаете: он пришел всего несколько лет назад.

— То есть вы предполагаете, что она стала видна? — уточнила Мэри.

— Ну да, просто стала видна. Ее можно там увидеть, хотя и не совсем отчетливо, потому что частенько она кажется несколько расплывчатой. Иногда около нее оказываются какие-то объекты, потом исчезают — мы считаем, что они просто блуждают во времени. Вокруг университетского городка появляются довольно странные миражи — пагода, к примеру. — Он обернулся ко

мне: — Похоже, эта конструкция питает слабость к пагоде.

— Тут нашим экспертом будет Чарльз, — с плохо скрываемой издевкой заявил Леонард. — Это ж он у нас исследователь времени.

Я не ответил, и в течение долгих минут вообще не было сказано ни слова. Наконец молчание стало невыносимым, и Старик Пратер попытался его нарушить.

— Разумеется, все понимают, что нынче вечером они приглашены сюда не без причины. Мы должны как-то овладеть ситуацией, и я убежден, что каждый из вас внесет свой вклад в дело.

— Но, доктор Пратер, — возразила Мэри, — об этом предмете я знаю меньше чем ничего. О времени я даже не задумывалась — разве что как об отвлеченном понятии. Я даже не ученый. Вся моя жизнь посвящена музыке, и все другие понятия меня не интересовали.

— Именно это я и имел в виду, — отвечал Старик Пратер, — именно потому-то ты и здесь. Нам нужно незапятнанное, непредубежденное — я бы сказал, девственное — сознание, чтобы рассмотреть этот феномен. Нам нужен разум